

П.Д. Боборыкин

**Великая разруха: семейная
хроника**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Д. Боборыкин**
Великая разруха: семейная хроника / П.Д. Боборыкин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2018. – 331 с.

ISBN 978-5-518-00252-4

ISBN 978-5-518-00252-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Кругомъ усадьбы воевъ вѣтеръ. Въ угловомъ окнѣ барскаго дома виденъ свѣтъ. Тамъ живетъ старый баринъ — „дѣдушка“, какъ его зовутъ всѣ свои, даже и прислуга.

Онъ сидитъ въ высокой, просторной комнатѣ, гдѣ въ альковѣ и спитъ, — сидитъ цѣлыми днями. Ноги отказываются служить ему. И на правое ухо онъ сталъ туговать. Но голова еще до сихъ поръ свѣтлая. А ему съ осени пошелъ восемьдесятъ пятый годъ.

Дѣдъ готовится къ „отплытію“, — такъ онъ говоритъ спокойно, и почти радостно ждетъ кончины, и надѣется на то, что она будетъ „безболѣзненная“, „непостыдная“ и „мирная“.

Нѣтъ въ немъ мистицизма, нѣтъ себялюбивой мечты о „вѣчномъ“ блаженствѣ, но онъ остался вѣренъ завѣтамъ юности, когда идеалистическая философія окрыляла его на борьбу за три живительныхъ начала: „истины, добра и красоты“.

Онъ остался поэтомъ, и образы, звуки, крылатые сны слетаютъ еще въ его тихую, стариковскую келью.

Но, готовясь къ переходу въ великое „все“, онъ тайно повторяетъ: „Ахъ, если-бъ еще пожить!“ То, что дѣлается съ его родиной, замолаживаетъ его. Когда онъ дрожащими руками развернулъ тотъ листъ, гдѣ дарованы были четыре свободы, онъ выговорилъ со слезами: „Нынѣ отпускаеши“.

Съ этимъ чувствомъ онъ продолжаетъ жить, не смущаясь тѣмъ, что вотъ тутъ, въ ихъ округѣ, идетъ глухое броженіе среди крестьянъ. А въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ только - что затихла эпидемія погромовъ, и теперь свирѣпствуютъ экзекуціи и разстрѣлы.

— Но, все-таки, „время грозное, небывалое“, — повторяетъ дѣдъ, и кажется, что ему хоть бы еще годика два-три, чтобы видѣть самому, чѣмъ все это разрѣшится.

Онъ сидитъ у бокового края большого письменнаго стола. Лампа съ абажуромъ освѣщаетъ только уголъ стола и оставляетъ въ тѣни его сѣдую голову патріарха, съ бѣлыми кудрями и длинной бородой, и худой станъ въ темномъ шлафрокѣ.

Онъ отложилъ газету, снялъ очки и оглянулся на дверь въ коридоръ.

И вся остальная комната уходитъ въ полутемноту. Стѣны увѣшаны портретами —

надъ столомъ и на противоположной стѣнѣ. Все это близкіе: родители, товарищи, сверстники по литературѣ, друзья изъ разныхъ эпохъ, свои дѣти, внуки.

Сколько сошло уже „подъ вѣчны своды“, — этотъ пушкинскій стихъ онъ всегда употребляетъ, когда говоритъ о покойникахъ. Всѣ уходятъ, а онъ все еще значится въ живыхъ, перевалилъ за рубежъ новаго вѣка.

Всесильный инстинктъ приковываетъ его къ землѣ; а поэтическое „наитіе“ — нѣтъ-нѣтъ, да и осѣнитъ его. Тогда онъ беретъ карандашъ и на листкахъ записной книжки набрасываетъ свои думы.

„Думы“ эти — не старческое нытье, а все тотъ же порывъ къ свѣту, къ правдѣ и къ свободѣ. Онъ такъ же сильно ненавидитъ „гниль и нечисть“ того режима, который долженъ пасть подъ натискомъ „освободительнаго движенія“.

И когда придетъ номеръ журнала, куда онъ посылаетъ обыкновенно свои вещи, и онъ одинъ прочитываетъ свои стихотворенія вполголоса, — ему и жутко, и сладко. Смерть, быть можетъ, уже наклонилась надъ его кресломъ, а онъ еще трепетно отзывается на всѣ „откровенья бытія“, и ждетъ того дня, когда раздастся побѣдный кличъ возрожденной родины.

Сегодня онъ — въ особенномъ настроеніи. Черезъ нѣсколько часовъ, на разсвѣтѣ,

когда онъ уже будетъ спать, должны пріѣхать внукъ и внучка. Станція всего въ четырехъ верстахъ. Они просили и мать ихъ — единственную его дочь, оставшуюся въ живыхъ изъ всѣхъ его дѣтей, — не выѣзжать къ нимъ навстрѣчу.

Онъ позвонилъ. Изъ дверки въ коридоръ показалась голова паренька, въ полушубкѣ и валенкахъ.

— Барыня у себя? — спросилъ старикъ.

— Никакъ пришедши.

— Поди... узнай... и попроси ко мнѣ.

— Ладно!

Паренекъ — совсѣмъ еще деревенскій и не умѣетъ говорить съ господами. Но старецъ имъ доволенъ. По теперешнимъ временамъ — скоро и совсѣмъ останешься безъ прислуги. Если-бъ не его ноги — онъ могъ бы все дѣлать самъ. Кромѣ этого паренька, есть кухарка и горничная — бывшая няня внучатъ, да старикъ изъ дворовыхъ; тотъ и дрова колетъ, и печи топить; кучеромъ ѣздитъ другой малый.

Онъ не любитъ жаловаться на тяжкія времена, наступившія для господъ. Онъ любитъ зато повторять:

— Довольно покутили. Пора и честь знать.

Дверка тихо отворилась. Вошла его дочь — вдова, мать студента и курсистки, которые завтра, чѣмъ свѣтъ, должны быть въ усадьбѣ.

Она еще не старая женщина, блондинка, съ пепельными волосами, рослая, полная. На ней домашній халатъ, на ногахъ туфли-шлепанцы. Голову она прикрыла кружевной косынкой.

— Ты меня звалъ, папа? — спросила она пѣвучимъ, очень молодымъ голосомъ.

— Извини, Мэри... Можетъ помѣшалъ?

— Нѣтъ, ничего.

— Присядь.

Она сѣла противъ него, черезъ комнату, также въ кресло, около другого стола, сплошь покрытаго книгами.

— Надолго ли наши юнцы?—спросилъ онъ, прищурившись, съ тихой усмѣшкой.

— Ничего не пишутъ. Оба вольные казаки. И лекціи, и курсы закрыты.

— Да?!

Дѣдъ звонко вздохнулъ и сдѣлалъ широкій жестъ кистью правой руки.

— До ученья ли теперь... разсуди самъ, папа.

Дочь повела головой, вынула изъ кармана папиросницу и спички и закурила. Она не могла оставаться безъ куренья больше четверти часа.

— Боюсь я... здѣсь они затоскуютъ...

— Почему же? У нихъ и здѣсь найдутся интересы...

— Будутъ производить агитацію?

Онъ это сказалъ спокойно, все съ той же тихой усмѣшкой.

— Не знаю. У Мити есть приятели на заводъ. Лёля дружить съ учительницами... ты вѣдь знаешь.

И, выпустивъ дымъ, она немного скривила ротъ, что у нея выходитъ всегда, когда направление разговора начинается ее беспокоить.

— Я вѣдь не допрашиваю тебя, Мэри. Что-жь! Молодежь теперь — первый номеръ. Она первая стала вести борьбу не на животь, а на смерть, — добавилъ онъ съ блескомъ въ глазахъ. — Но мнѣ... заживо похороненному вотъ въ этомъ аббатствѣ, хочется знать напередъ — чего ждать? За себя я не боюсь... Изъ-за чего мужикамъ громить нашу усадьбу?

— Какъ знать! — обронила она.

— Мы только званіемъ помѣщики. Запасовъ нѣтъ. На арендѣ ты никого не прижимаешь...

— Это стихійно! Довольно того, что мы — „баре“, что у насъ достатокъ, а они живутъ въ тѣснотѣ, грязи и стужѣ, да еще голодаютъ.

— Наши вѣдь не голодаютъ?

— Не голодаютъ здѣсь, а въ округѣ доѣдаютъ послѣдній хлѣбъ — двадцать, тридцать верстъ отсюда.

Въ ея тонѣ было нѣчто совсѣмъ отличное отъ того, какъ говорилъ отецъ ея. Онъ давно знаетъ, что и она — на сторонѣ мужи-